

В.М. НИКИФОРОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ ТОНЬЮКУК

Не будучи филологом соответствующего профиля, ни в коей мере не претендуя на истину в последней инстанции, хочу дополнить гипотезу о происхождении имени Тоньюкука, выдвинутую В.М. Надеяевым², своей интерпретацией.

² Надеяев В.М. Чтение орхоно-енисейского знака *** и этимология имени Тоньюкука // Тюркологические исследования. М.-Л., 1963. С. 197–213.

Языковедческая часть анализируемой статьи В.М. Наделяева, насколько можно оценить неспециалист, безукоризненна и убедительна. Это небольшая работа может дать много пищи для размышлений якутским коллегам, например, приводится слово *апйу* 'вина, проступок' из ранних манихейских манускриптов, в более поздних текстах оно встречается в форме *ајйу*. В якутском языке (можно было обойтись без отсылки на долганский вариант) встречается подобное соответствие; но в якутоведении возобладала точка зрения, что употребление *айыы* вместо *аньыы* (семантика прежняя) ошибочно². На анализе подобных языковых фактов построено остроумное предположение В.М. Наделяева, вместо традиционного прочтения Тоньюкук, он предлагает читать *Тиҕиҕиҕ* и переводит это как 'копыто(образная) стрела'.

В качестве подтверждения своей версии исследователь приводит данные исторического и этнографического характера. Например, информацию китайской династийной хроники со ссылкой на усуньские нарративные источники о существовании в позднехуннский период "царства лошадиных голеней". Эти сведения дублируются с небольшими вариациями ('народ с лошадиными копытами', 'люди с лошадиными ногами'), фольклорно-этнографическими записями и публикациями ак. В.В. Радлова, проф. Н.Ф. Катанова, Л.Ю. Тугушевой. Их не надо воспринимать буквально или как явно фантастические сведения. Вероятно, речь идет о краткой и даже несколько образной характеристике внешнего вида людей, которые обуты в меховую обувь (унгы?), сшитую из конских камусов. Поэтому, на наш взгляд, "лошадиные голени" есть, а копыт в данном случае нет. Впрочем, автор сам чувствует спорность своих этнологических аргументов: "В качестве некоторого оправдания можно сослаться на факт из истории якутского народа, когда у якутского князца Тыгына, имя которого восходит к древнетюркскому слову *tigin* 'царевич, принц', один из сыновей носил имя Таас-Туйах 'Каменное копыто' (выделено нами – В.Н.).

Но у реального, точнее последнего, Тыгына все дети известны наперечет. Речь идет о сыновьях фольклорного Тыгына, точнее об одном из них – он известен больше (абсолютное доминирование по частотности) не как Таас Туйах, а как Таас Уллунгах (Каменная ступня), т.е. копыто как таковое опять исчезает. Вопрос из какого материала нижняя конечность – не принципиален. Устная традиция хотела выделить необычные свойства и в первую очередь богатырские качества персонажа. Если отбросить буквализм легенд саха и преданий арктических народов

² Выпадение конечного звука – закономерность, ее подметил еще О.Н. Бетлинг.

– например, у поверженного воина разрезают пятки и находят камни, то можно поискать истоки этого мотива. Одним из признаков мускульной мощи в фольклоре считается физический вес героя, а “проверял” его наличие, например в эпосе, соответствующий “обряд”. Он приведен, в частности, в олонхо “Тон Саар Тойон”, записанном со слов С.Н. Каратаева (Дыгыйар) Л.А. Саввиним в 1938 г. (Архив ЯНЦ СО РАН, ф.5, оп.7, ед. хр.117). “Положили у входа в дом большой камень”, об это замаскированное препятствие обыкновенный человек мог споткнуться и упасть, а “действительно богатырь”, разбил камень ногой³. Точно так же поступает герой одноименного олонхо Е.К. Ноникова “Уолан Соботох Улуу Ньургун”⁴, записанного Е.Т. Яковлевым в 1937 году в Мегино-Кангаласском улусе. В этом тексте камень, водруженный прямо на порог, тоже раздроблен ударом ноги. Как видим, мотив далеко не единичен. Он перекликается с сюжетами якутских легенд о Таас Улунахе – “Тело его было как бы литое из плотного материала, не поддавалось ни ударам, ни нажимам, а ступни были тверды как камень. Когда он в семилетнем возрасте бежал, земля дрожала, а на крик его небо вторило непогодой, ветрами и морозом”⁵.

Эти моменты сводить только к гиперболизации крепости, которую приобретают подошвы от постоянного хождения босиком, неправомерно. Возобладание мифологического начала очевидно: это выражается в мотиве неуязвимости, которая в мифологиях других народов является залогом бессмертия.

Но вернемся к “копыто(образной) стреле”. В этом варианте, скорее всего, имелась в виду форма острия, а не то, что наконечник из рогового материала, т.е. в конечном счете костяной. И мы даже не знаем, имеется в виду конечность простого копытного или парнокопытного. В последнем случае могла подразумеваться развилчатая стрела⁶. Но думается, что ценность охотничьего снаряжения в глазах обладателей великолеп-

³ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. С. 145.

⁴ Уолан – юноша. Восходит к тюркскому оглан – ‘молодой человек’. См. Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. 2-е изд. Будапешт, 1959. Т. 3. Стлб. 3032.

Соботох – обычно переводят как ‘одинокий’. Более характерен типаж Эр Соботох – муж. сирота. Средневековое значение: Единственно Мужественный, или Бесподобный (в том смысле, что он один и нет ему равного, подобного, похожего) Воин. Мотив безродности восходит к реликтовым представлениям о родоначальнике – первочеловеке.

Улуу – великий, священный... Полный перечень см.: Э.К. Пекарский. Словарь..., т. 3, стлб. 3004–3005.

⁵ Ксенофонов Г.В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. С. 103. (См. также сс. 82, 88, 92, 176, 194).

⁶ См. “Словарь...” Пекарского, т. 1, стлб. 620. Быыра – первое значение: стрела с вилообразным наконечником. Второе – эпитет духа огня.

ного боевого оружия несколько девальвирована.⁷ Известны любовное отношение и бережность к последнему у народов, постоянно пользующихся им. Отсюда и личные имена, даваемые оружию, цветистые эпитеты при его описании, и даже воспевание его в наиболее возвышенной форме. Например, у древних якутов, один из видов наконечника стрелы называется “сардага (свет утренней зари) ох”, что возможно, связано с периодом ознакомления с железным острием, и отличало его от всего прочего то, что это было “блистающее” оружие⁸. Постепенно, возможно с привыканием к блеску название стало просто “сардаана⁹ ох” но менее поэтичное название: в местах, где растет сарана считается, что нет цветка красивее. Кстати, он и эстетичен, и функционален, т.е. у некоторых видов съедобны корни.

Посылкой гипотезы В.М. Надеяева служит следующее предложение: “Вся основа древнетюркского слова ‘копыто’ звучит как ‘tujuq’”. Но с различными незначительными артикуляционными вариациями так же звучат: тюркский ‘туюг’, якутский ‘тойук’. В чагатайском это не просто ‘песня’, а род стихотворного размера¹⁰. Уже в средневековье у многих тюркских этносов это отдельный распространенный жанр поэтического искусства.¹¹

Рассматривая два четверостишия с двойной символикой, написанные лично Тоньюкуком, известная исследовательница поэзии древних тюрков И.В. Стеблева в статье о генезисе лирической формы *туюг* утверждает, что “наблюдаемые четверостишия со скрытым смыслом в памятнике рунического письма отодвигают истоки жанра значительно раньше XI в., и так же далеко должно быть отодвинуто предполагаемое взаимодействие литературы и фольклора в создании этого жанра”¹².

“Автобиографическая запись Тоньюкука и особенно разбираемые стихи лишней раз доказывают поэтичность его природы (иносказания, образность, тактичность – в то же время решительность оценок и одно-

⁷ Тем не менее, известно, что у степняков в оружии дистанционного боя не было существенного различия на охотничье и боевое.

⁸ См. “Словарь...”, стлб. 2104–2105. “Лучезарный солнечный свет”. Варианты: “небесный луч”, “лунные блики”, “сияние молнии”.

⁹ Сардаана – даурская лилия. См. “Словарь...”, т. 2, стлб. 2104. “Стрела сардаана была широка и коротка”, далее Э.К. Пекарский находит ее сходство с зубилом, в то время как якуты с внешней формой упомянутого цветка.

¹⁰ См. “Словарь...”, т. 3, стлб. 2710.

¹¹ До XI в. проследил истоки жанра туюк ак. А.Н. Самойлович (см. Четверостишин-туйуги Навои // “Мусульманский мир”. Пг., 1917. В.1. С. 10–22.

¹² Стеблева И.В. К вопросу о происхождении жанра туюр // Тюркологический сборник 1970. М.: Наука, 1970. С. 145.

временно емкая афористичность...)", в которой столь редко можно сочетались дарования государственного деятеля¹³, военачальника¹⁴, дипломата..., чувство слова и дела, т.о. ответственности за судьбу своего народа. И самое характерное его отличие от остальных лидеров тюркских каганатов: воспитание и образование, полученные в Китае.¹⁵ Последнее уже предполагает изучение истории, главным образом, династических хроник. Первые каганы могли не знать о своих дальних предках – отсчет исторического времени у древних тюрков начинается от Бумына и Истемы. По прошествии полутора тысяч лет мы должны судить об этих вещах крайне осторожно (но соблюдая разумные пределы, например, в отечественной истории до последнего времени не признавались генетические связи между хуннами и орхонскими тюрками, не говоря уже о якутах: немногие народы могли иметь более древнее прошлое – это должно было быть достаточно очевидно, – чем история державной нации), но тогда – спустя всего несколько столетий после хуннов, воспоминания о них были у китайцев, очевидно, еще свежими. И в первую очередь, что должен был читать Тоньюкук, если он готовился к государственной карьере, то это труды Сыма Цяня и анналы императорских династий. В них самой масштабной фигурой среди некитайцев является хуннский шаньюй Модэ. Устные и письменные источники отдают ему приоритет в изобретении свистящих стрел¹⁶. Они выполняли, помимо известных задач, функцию звуковых трассеров, намечавших вектор массивированного лучного удара. Подобному подвергнулся, по всей видимости, в битве с Чача-сенгуном во время третьей по счету кавалерийской атаки Кюль-Тегин: "В его броню и его плащ более ста стрел попало, (но) его головы в медном¹⁷ шлеме ни одна ... не косну-

¹³ Если бы не традиционный европоцентризм, Ф. Хирт, также Г. Шлегель отдельно, изучавшие феномен Тоньюкука, не назвали бы его тюркским Бисмарком, с их точки зрения, надо полагать, это высокая оценка. Вряд ли умалились бы заслуги "железного канцлера" перед Пруссией и всей Германией, если теперь при относительном выравнивании изученности в соответствии с хронологией и итогами жизни, он был бы назван "вторым Тоньюкуком".

¹⁴ В. Томсон возводил степень стратегических, "тактических и дипломатических" способностей "kingmaker'a" до гениальности и подчеркивал, что его деятельность "есть эталон, пример, с которым необходимо считаться и в будущем" (Thomsen V. Turcia // *Memoires de la Societe Finno-ougrienne*, Helsinki. V. XXXVII, S. 99.

¹⁵ Это подчеркнуто уже во второй строке эпитафии.

¹⁶ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 43, 150.

¹⁷ В этом моменте существуют разночтения. И.В. Стеблева уточняет перевод С.Е. Малова, правомерность этого можно подтвердить якутскими языковыми фактами, "jiz" есть в языке саха: Дьес – красная медь, см. Э.К. Пекарский "Словарь...", т. 1, стлб. 816.

лась”¹⁸. Во время боев он постоянно находился под обстрелом, о чем свидетельствует смерть трех¹⁹ скакунов, павших под ним в этом сражении. Самому доблестному из принцев надо было обладать соответствующей выучкой, доспехами, экипировкой, чтобы остаться в строю, точнее (как правило), впереди него.

Безусловно, Тоньюкук был духовным наследником и продолжателем дела Модэ в плане противостояния Китаю, независимо от того, создал он этот факт или нет. И, отталкиваясь от существующей в тюркской устной и письменной традиции, формулы, уподоблявшей государя луку, а подданных стрелам, рискнем предположить, что Ашида Кеньчжэнь выбрал себе имя “Поющая (свистящая) стрела”.